Сказки тысячи ночей

Автор:
Э. Джонстон

Сказки тысячи ночей

Э. К. Джонстон

Мастера магического реализма (АСТ)

Дворец Ло-Мелхиина – жуткое и в то же время прекрасное место.

Несметные сокровища, и удивительные статуи с глазами, молящими о помощи, дивные сады и сотни запуганных слуг – вот что теперь окружает ту, которая рискнула бросить вызов могущественному властелину пустыни. Каждую ночь, ожидая смерти, она рассказывает Ло-Мелхиину новую историю. Каждое утро встречает новый восход. Но надолго ли у нее хватит сил?

Джонстон Э. К

Сказки тысячи ночей

E. K. Johnston

A Thousand Nights

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Adams Literary и Andrew Nurnberg

Copyright © 2015 by E. K. Johnston

© П. Киселева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается доктору Давьо, которая показала мне пустыню, ее прошлое и будущее, и научила меня искать.

Джо, Эми и Мелиссе, которые подбадривали меня, когда я училась писать про Джона Друитта, а также Тессе, которая не перестает толкать меня на новые свершения.

I

Мы не знаем, зачем мы вышли из моря на эту твердую и пыльную землю, но точно знаем, что мы лучше нее.

Обитатели этих мест ползают под палящим солнцем, добывая себе скудное пропитание в бескрайних песках, пока сами не смешаются с песком, превратившись в пищу для пустынных воронов или еще более мерзких созданий. Солнце нас не тревожит, а песок доставляет лишь мимолетное неудобство. Мы сильнее и выносливее, мы лучше приспособлены к жизни. И все же поначалу нам здесь пришлось нелегко.

Людей было много, а нас мало. Мы не понимали их, а они – нас, и потому они нас боялись. Они нападали на нас со своим грубым оружием, с тяжелыми камнями и ярким огнем. Мы узнали, что пролить нашу кровь на песок не труднее, чем людскую, пока мы не научились создавать себе тела, не способные кровоточить. Мы ушли в пустыню, прочь от оазисов – в иссушенные солнцем земли, куда они не могли за нами последовать. Оттуда мы наблюдали за ними, выжидая.

Они умирали, а мы – нет. Мерно текла наша жизнь, и с годами мы узнавали о них все больше. Мы смотрели, как они приручают туров, а потом и лошадей. Мы смотрели, как они учатся стричь овец и чесать шерсть. Они пряли, а мы ощущали натяжение нити с каждым поворотом веретена. Они ткали – и каждое движение их пальцев отдавалось в наших костях.

Мы желали иметь все те вещи, которые делали они, но сами, хоть и располагали временем в избытке, не были склонны осваивать ремесла. Всегда было проще взять желаемое силой. И мы брали. Мы похищали ткачей и привозили к себе в пустыню. Мы кормили их песком, а им казалось, будто они на пиру, и они творили для нас чудесные вещи, пока не умрут. Кузнецов мы поднимали с постелей, заставляя работать у раскаленных печей, пока кожа их не покроется волдырями. Они ковали для нас клинки и украшения, расплачиваясь за это собственной жизнью, а мы забирали себе их творения.

Когда они работали, мы ощущали прилив сил, и вскоре самые юные из нас стали уходить на охоту все дальше от дома, чтобы поживиться за счет других мастеров. Они возвращались, полные сил и могущества, с ожерельями из костяшек тех, чьими руками этого достигли.

Но мне всегда было этого мало.

Я жаждал большего.

Однажды в пустыне я встретил охотника, который забрел слишком далеко от своих товарищей.

И я взял что хотел. Взял.

Глава 1

Ло-Мелхиин погубил уже три сотни девушек к тому дню, как пришел в нашу деревню выбирать себе новую жену.

Та из нас, кого он выберет, станет героиней. Она подарит жизнь всем остальным. Ло-Мелхиин не вернется в нашу деревню, пока не возьмет по одной жене из каждого поселения, каждого городка и каждого квартала внутри городских стен – ибо так велит закон, пусть он и порожден отчаянием. Та, кого он выберет, подарит надежду на счастливое будущее и любовь всем, кто останется дома.

Она станет божеством для своего народа на все времена. Она покинет нас, но мы навсегда сохраним частичку ее души и будем лелеять ее в своих воспоминаниях. Ее имя будут шептать с благоговейным придыханием у святилищ, возведенных в ее честь. Другие девушки будут петь ей благодарственные гимны, и нежные их голоса будут разноситься с ветрами далеко по пустыне, рассеиваясь над мельчайшим песком. Ее родители даже в самую жестокую засуху будут приходить к святилищам с подношениями из пресноводных цветов и маринованных кореньев. Та, кого он выберет, никогда не будет забыта.

И все же она умрет.

Каждый раз все начиналось одинаково: Ло-Мелхиин выбирал одну из девушек и вез ее в свой каср, чтобы сделать своей женой. Кто-то прожил в его покоях всего одну ночь, кто-то продержался целый месяц, но в конце концов все они становились добычей пустынных воронов. Он объезжал город за городом, деревню за деревней. Угроза нависала над каждым племенем, каждой семьей. Он поступал как ребенок, который растягивает удовольствие, поедая финики по одному и смакуя каждый в поисках совершенной сладости. Но, перебирая девушек одну за другой, он ни в ком не находил того, что искал.

Когда он приехал в нашу деревню, за себя я не боялась. Я давно привыкла жить в тени своей сестры-одногодки, которая была старше меня на десять месяцев. Она была красавицей. Я – довеском. До закона Ло-Мелхиина, до того, как ужас перед участью попасть на его брачное ложе распростерся над пустыней, словно иссыхающее плодовое дерево, отчаянно тянущее свои ветви к воде, я была уверена, что выйду замуж после сестры, скорее всего за родного или двоюродного брата ее суженого. Она была желанной добычей, но мысль о разлуке со мной претила ей, и все в деревне знали, что мы – парный товар. Младшей женой в ее доме я бы не стала – слишком важным человеком был мой отец, – но меня выдали бы за человека ниже по положению.

– Ты не лишена красоты, – сказала она мне однажды, когда мы глядели на пустыню, распаляемую жарким солнцем нашего четырнадцатого лета. И я знала, что это правда.

Обе наши матери были красивы, хорош собой был и наш отец. И насколько я могла судить о собственной внешности, мы с сестрой были во многом похожи: у обеих – кожа цвета каленой бронзы, чуть темнее песка, а от ветра и солнца становившаяся еще смуглее. Волосы – такие длинные, что на них можно сесть, и темные – того цвета, какой бывает вокруг звезд самой глубокой ночью. Я решила, что отличие – в наших лицах: в форме глаз, в изгибе губ. От одного взгляда на ее лицо у меня перехватывало дыхание. Своего же лица я никогда не видела. У нас было мало бронзы и меди, а вода – только на дне колодца.

– Но я – не ты, – ответила я. В моих словах не было горечи. Сестра никогда не пыталась внушить мне, что я чем-то хуже нее, а над теми, кто указывал мне на это, лишь насмехалась.

– Это правда, – признала она. – А мужчинам не хватит воображения, чтобы разглядеть нас отдельно друг от друга. Об этом я сожалею.

– А я нет, – сказала я, и так оно и было. – Потому что я люблю тебя больше дождя.

– Вот это да! – рассмеялась она. – Ты видишь мое лицо каждый день, и оно тебе до сих пор не надоело! – И мы пустились бегом, уверенно ступая по текучей поверхности песка.

Вместе мы были сильны. Мы легко несли большой кувшин с водой, разделяя его вес пополам. Из-за толстых керамических ручек даже пустой сосуд был очень тяжелым, но ручек было четыре, а у нас – четыре руки. Мы научились этому еще в детстве, и взрослые угощали нас засахаренным инжиром за то, что мы проливали так мало воды по пути от колодца. Но и когда мы уже стали достаточно взрослыми, чтобы нести кувшин в одиночку, мы предпочитали ходить за водой вместе, как и делать все прочие домашние дела. Почти все – от рукоделия и готовки до истребления ядовитых змей, выползающих из колодца, – нам удавались одинаково хорошо. У меня лучше получалось петь песни и рассказывать семейные предания, но сестра умела подобрать собственные слова, и ей не нужно было ссылаться на чужие деяния, чтобы донести свою

мысль. Быть может, именно это внутреннее пламя и делало ее такой красавицей. Быть может, именно оно и отличало ее лицо от моего. Быть может, именно поэтому оно никогда мне не надоедало.

Я боялась, что и Ло-Мелхиин увидит в лице моей сестры то самое, что так долго искал, и что ему тоже никогда не надоест. Поначалу он брал в жены лишь самых красивых девушек, дочерей самых знатных вельмож и самых богатых купцов. Но когда стало ясно, что его жены умирают одна за другой, влиятельным господам это пришлось не по нраву, и они начали подыскивать ему невест в других местах. Они стали прочесывать деревни в поисках подходящих девушек, и некоторое время никого не заботили судьбы бесчисленных простолюдинок, которых отправляли на погибель. Однако вскоре жители деревень подвели счет своим потерям и прекратили торговать с городами. Тогда-то и был принят закон: по одной невесте из каждой деревни и каждого городского квартала, и лишь потом по второму кругу. Он погубил уже столько девушек! И я не могла допустить, чтобы моя сестра стала одной из них. Из всех рассказов про Ло-Мелхиина две вещи мы знали точно: он всегда забирает одну девушку и она всегда, всегда умирает.

Когда над пустыней взвилась пыль, мы поняли, что он едет к нам. Он уже знал, сколько нас и у кого есть дочери подходящего возраста. Перепись была частью закона – так мужчинам легче было убедить себя, что он справедлив.

– Но ведь он не справедлив, – прошептала моя сестра, когда мы лежали с ней бок о бок под открытым небом, любуясь на звезды нашего семнадцатого лета. – Мужчин же не заставляют вступать в брак и идти на смерть.

– Нет, – отвечала я. – Не заставляют.

И вот мы стояли в тени отцовского шатра и ждали. Отовсюду слышались стоны и плач. Матери прижимали к себе дочерей, отцы беспокойно топтались вокруг, не в силах вмешаться и не желая нарушить закон. Нашего отца с нами не было. Он уехал торговать. Мы не знали заранее, когда приедет Ло-Мелхиин. Вернувшись, отец обнаружит, что его самый прекрасный цветок забрали прочь, а ему остался лишь сорняк.

Ветер отчаянно трепал мое покрывало и выбивающиеся из-под него распущенные волосы. Сестра заплела волосы в косу и стояла, выпрямив спину и

откинув покрывало назад, так что ее черные волосы сияли на солнце. Она глядела вдаль в ожидании бури, а в ее глазах назревала иная буря, делавшая ее еще прекраснее. Я не могла потерять ее, но понимала, что стоит Ло-Мелхиину увидеть ее, как она будет потеряна для нас навсегда.

Я перебирала в памяти все истории, какие слышала за свою жизнь: те, что рассказывали шепотом у очага моей матери и те, что громогласно вещал наш отец на советах старейшин в своем шатре. Я знала их все наизусть: откуда мы пришли, кем были наши предки, какие герои были в нашем роду, какиех богов чтит наша семья. Я пыталась найти в этих историях что-то, что могло мне пригодиться, но не находила ничего. Мир еще не знал подобного Ло-Мелхиину и не сочинил историй о том, как бороться с такими созданиями.

Но даже если целой истории нет, быть может, в какой-нибудь из них найдется хоть что-то похожее. Сюжетная нить в истории воина, взявшего осадой город с неприступными стенами. Отрывок из предания об отце, которому пришлось выбирать между двумя дочерьми и решать, кого из них отправить ночью в пустыню. Интрига в сказании о влюбленных, вступивших в брак вопреки родительской воле. Одна из линий в истории пожилой женщины, чьих сыновей незаконно призвали на чужую войну. Истории историям рознь.

Ни одно из известных мне сказаний само по себе не объясняло, как спасти мою сестру от краткого и гибельного замужества, но в памяти у меня скопилось множество обрывков, которые, словно песчинки, сыпались сквозь пальцы, пока я пыталась набрать еще и еще. Но я хорошо знала песок. Я родилась на песке и на песке училась ходить. Я смахивала песчинки с лица и вытаскивала их из тарелки с едой. Я знала, что нужно лишь набраться терпения и разжечь достаточно сильный огонь, чтобы песок затвердел и превратился в стекло, – и тогда я смогу извлечь из него пользу.

Сестра всматривалась в облако пыли, ожидая увидеть в нем Ло-Мелхиина, но я всматривалась в песок. Ее отвага перед лицом этой бури придавала мне сил. Она взяла меня за руку и улыбнулась, хоть и не понимала, что я задумала. Она уже смирилась с тем, что станет той, кто спасет нас, богиней, которую мы будем чтить после ее ухода. Той, кто умрет. Но я этого не допущу.

К тому мгновению, когда даже старики уже могли разглядеть в надвигающемся облаке пыли сполохи на бронзовых доспехах всадников и расслышать топот лошадей, скачущих во весь опор под палящим солнцем, а ветер растрепал косу

моей сестры, нежно играя с выбившимися прядями, будто тоже боялся ее потерять, мой план был готов.

Глава 2

Когда приехал Ло-Мелхиин, некоторые из девушек принялись рвать на себе покрывала и обрезать волосы ножницами для стрижки овец. Глядя на них, я чуяла их страх. Я была единственной, у кого имелась сестра-ровесница, кому было за кем спрятаться. Я могла стоять рядом с ней и остаться незамеченной. Остальным не за кем было укрыться. Им приходилось идти навстречу Ло-Мелхиину в одиночку, и они уродовали себя в надежде ускользнуть от его внимания.

Ло-Мелхиин нынче был уже не столь разборчив. Теперь, когда он брал в жены не только самых красивых, казалось, что он выбирает наугад. Все равно ведь невеста не продержится долго. Странствуя по пустыне с караваном, наш отец слышал рассказы о том, как Ло-Мелхиин привозил очередную невесту в свой каср в Великом Оазисе, где ее наряжали в шелка и умасляли благовониями, чтобы отбить запах пустыни. Неважно, как она выглядела в своей пыльной деревне, ведь пыль легко смыть. Но попадись ему девушка, подобная моей сестре, которая притягивала взгляды смертных и богов, просто шагая по деревне с прижатым к бедру кувшином, Ло-Мелхиин без сомнений выбрал бы ее.

Сестра была одета в платье из белоснежного льна, на который под ярким солнцем было больно смотреть. Она выглядела просто, но ослепительно – особенно в сравнении с девушками, которые в ужасе падали на колени, заслышав топот лошадей. Я знала, что надо действовать быстро.

Я пошла в шатер ее матери, где моя сестра была зачата, появилась на свет и училась танцевать. Ее мать сидела на постели и беззвучно плакала. Я подошла к ней, опустилась на колени и протянула край своего шелкового покрывала, чтобы ей было чем утереть слезы.

– Госпожа матушка, – окликнула я ее, ибо так было принято обращаться к матерям, не родным по крови. – Госпожа матушка, нужно спешить, если мы хотим спасти вашу дочь.

Мать моей сестры подняла голову и ухватилась за край моего покрывала.

– Но как? – спросила она, и я увидела в ее глазах отблеск отчаянной надежды.

– Оденьте меня в одежду сестры, – попросила я. – Заплетите мне волосы, как заплетаете ей, и дайте мне украшения, с которыми ей не жаль будет расстаться.

– Ей будет жаль расстаться со своей сестрой, – возразила мать моей сестры, но руки ее уже принялись за работу. Как и я, она отчаянно хотела спасти свою дочь и не задумывалась о том, чего это будет стоить.

– Кого-то все равно выберут, – сказала я. Мне все еще не было страшно. – У моей матери хотя бы есть сыновья.

– Пусть так, – согласилась мать моей сестры. – Но сын – это не дочь.

Я не стала говорить, что дочь – это хуже, чем сын. Она и сама это знала, ведь у нее тоже были братья. У ее же дочери, моей сестры, братьев не осталось, и лишь замужество дочери позволит ей выжить, если не станет нашего отца. Моя мать справится и без меня, но мать моей сестры обеспечить будет больше некому. Я могла спасти больше людей, чем сестра, хоть это для меня было и не главное. Мне ни на миг не приходило в голову, что моя мать будет сильно горевать обо мне, – разве что по доброте своего сердца.

Сестра вбежала в шатер, когда ее мать застегивала на мне последнее золоченое ожерелье. На мне была ее пурпурная дишдаша, перехваченная на талии и запястьях витыми шнурами. Мы с сестрой вместе расшивали черной нитью ворот, лиф и рукава, нашептывая друг другу секреты, которые ложились на ткань аккуратными стежками. Мы скоротали за этой работой почти всю свою пятнадцатую зиму, превратив мотки сырой нити в готовое платье. Оно должно было стать ее свадебным нарядом. У меня самой не было ничего подобного. Когда мы шили, сестра сказала, что это платье столь же мое, сколь и ее, ведь оно сшито и моими руками. В переплетении нитей, в вышивке, в окраске таились мечты и признания, которые мы скрывали даже от матерей. Наряд предназначался сестре, но поскольку она хотела, чтобы он был и моим, пурпурно-черное платье смотрелось на мне очень красиво, а именно это мне и было нужно.

– Нет! – воскликнула сестра, когда ее глаза свыклись с полумраком шатра после яркого солнца и она смогла разглядеть меня. Она поняла, что сегодня, вопреки обыкновению, всякий взгляд, обращенный на нас, скользнет мимо нее и остановится на мне. – Нет, сестра, не делай этого!

– Слишком поздно, – сказала я. – Люди Ло-Мелхиина уже здесь.

– Благодарю тебя, дочь души моей, – выдохнула мать моей сестры. Она всегда была добра ко мне, с самого моего детства. Она учила меня поминальным обрядам наравне с сестрой. Но лишь в этот миг я поняла, что она любила и меня тоже. – Я буду молиться за тебя.

Сестра взяла меня за руку и вывела на улицу, чтобы не дать слугам Ло-Мелхиина повода тащить нас из шатра силой. Я шагала навстречу своей судьбе, а сестра шагала рядом со мной. Впервые люди оборачивались на меня, а не на нее.

Мы подошли к остальным девушкам, которые с удивлением уставились на мой роскошный наряд. Я встала впереди всех, выделяясь на их фоне темным и ярким пятном. Моя сестра, прежде столь ослепительная в своем простом одеянии, теперь казалась грубоватой копией. Прелестной, но несовершенной. Я слышала, как мужчины перешептываются у нас за спиной:

– Ну надо же! А ведь она ничуть не хуже сестры. Как жаль, что мы не замечали этого раньше!

Я не смотрела на них. Держа сестру за руку, я вела всех за собой к колодцу, у которого стояли, перебирая копытами, взмыленные лошади. Мы проходили мимо чужих шатров, где жили семьи, у которых было меньше скота и меньше детей. Остальные девушки шли следом, стараясь держаться ко мне поближе. Они чувствовали, что могут укрыться в моей тени, в моем пурпурном оазисе, который даст им надежду на спасение. Колодец всегда был для нас источником жизни, а теперь возле него одна из нас встретит свою смерть.

Ло-Мелхиин не стал спешиваться. Он сидел в седле, возвышаясь над нами и отбрасывая на песок длинную тень. Я не видела его лица. Подняв голову, я увидела лишь черное пятно на фоне слепящего солнца. Тогда я стала смотреть на его коня. Я не хотела опускать взгляд. За мной стояли остальные девушки, а позади старейшины удерживали их плачущих матерей. Я задумалась о том, кто

обнимает мою мать, – ведь ни отца, ни братьев дома не было, – но не стала оборачиваться. Мне хотелось быть решительной и твердой, как камень, но страх начал закрадываться в мое сердце. А что, если, несмотря на все мои усилия, выберут сестру? А что, если выберут меня – и я умру? Я отогнала эти мысли прочь и снова стала думать обо всех тех историях, нити которых вплела в свой план. Их герои не отступали. Они твердо шли избранным путем, не оглядываясь назад, что бы ни ожидало их впереди.

– Сделай меня божеством, – прошептала я сестре. – Когда меня не станет.

– Я сделаю это прямо сейчас, – ответила она под звон сбруи, пока слуги Ло-Мелхиина спешивались и шли к нам. – Какой прок от того, что тебя почитают, когда ты мертв? Мы начнем сразу же, как они заберут тебя, и ты станешь божеством раньше, чем доберешься до касра.

Я молилась богам всю свою жизнь. Отец отца нашего отца был великим скотоводом – у него было столько овец, что не сосчитать и за целый день. Он продавал шерсть деревням по всей пустыне, и мы всегда молились ему, когда отец уходил с караваном. Отец всегда возвращался домой невредимым, с подарками для наших матерей, работой для моих братьев и прибылью для всех нас, но иногда я задумывалась – а было ли это заслугой божества? Впервые мне захотелось, чтобы отец был здесь. Он не смог бы меня спасти, но я могла бы спросить у него, ощущал ли он помощь божества, когда был в пути.

– Спасибо, сестра, – промолвила я. Я не была уверена, что это мне поможет, но вреда это причинить не могло.

Один из стражников Ло-Мелхиина грубо схватил меня за плечо, но я с готовностью пошла за ним к лошадям. Его лицо было закрыто повязкой, но глаза выдавали его. Ему не больше моего хотелось быть здесь, но он исполнял свой долг, как и я.

Поняв, что я не буду сопротивляться, он ослабил хватку. Я держалась прямо и не оборачивалась, хоть и слышала позади себя рыдания своей матери. Я могла бы обратиться к ней, а не к матери своей сестры, но она бы не помогла мне. Она бы сделала то, чего не мог сделать мой отец, – попыталась бы меня спасти. А это стоило бы мне сестры.

– Я люблю вас, – крикнула я. Эти слова предназначались им всем – и соседям, и родственникам, и обеим нашим матерям, но в то же время они были обращены лишь к моей сестре.

Когда меня сажали на лошадь, сестра опустилась на колени. Ее белое платье испачкалось в песке, волосы упали на лицо. Она стала петь на нашем семейном наречии, на котором отец отца нашего отца говорил со своими овцами и которое я слышала, сидя подле отца, пока он обучал ему моих братьев. Я слышала отдельные слова, но не могла разобрать их. Я знала, что поют для меня, потому что чувствовала, как любопытный ветер треплет мое покрывало, чтобы взглянуть на лицо той, что удостоилась столь горячих молитв.

Ло-Мелхиин рассмеялся, решив, что она горюет о разлуке со мной. Но я знала, что он ошибается. Так подсказывало мне сердце.

Глава 3

Кони Ло-Мелхиина были быстры, словно вихри, танцующие на песке. Не успела я оглянуться, как шатры нашего отца и шатры вокруг колодца исчезли из виду. До того, как стражник усадил меня в седло, это был весь мой мир, а теперь я потеряла его навсегда. Никогда больше я не буду рассказывать сказки своей сестре, изображая руками тени животных в свете лампы. Я стану королевой, пусть и совсем ненадолго, и никогда больше не буду жить в шатре.

Ло-Мелхиин ехал впереди, а его стражники выстроились вокруг меня. Это была пустая предосторожность. Я не умела ездить верхом, и все мои силы уходили на то, чтобы не выпасть из седла. Но даже если бы мне и удалось бежать, идти мне было некуда. Вернись я в деревню, стражники просто догнали бы меня, а попытавшись бежать в пустыню, я бы стала добычей пустынных воронов еще скорей, чем если бы продолжила свой нынешний путь. Я поглядывала на стражников, стараясь рассмотреть, как они сидят и как прижимают ноги к бокам лошадей. Я попыталась подражать им, но вскоре у меня разболелись мышцы. Я была рада, что мое лицо закрыто покрывалом. Мне не хотелось, чтобы они видели мои страдания.

Когда солнце достигло зенита, мы остановились, чтобы напоить лошадей. Это были кони пустынной породы, и они могли бы скакать без передышки весь день, но путь будет легче, если дать им передохнуть. На Ло-Мелхиине не было шпор. Я всегда думала, что лошади очень дороги, ведь даже у нашего отца не было ни одной, – и теперь я окончательно в этом убедилась, потому что Ло-Мелхиин был добр к своему коню. Он сам держал голову животного, поднимая к его губам бурдюк с водой. Рука его нежно гладила морду лошади, и это заставило меня задуматься.

Что это за человек, у которого на руках столько крови, что он может выбрать новую жену, едва взглянув на ее и зная, что она вскоре присоединится к длинному списку его жертв, но при этом останавливается на пути домой, чтобы поберечь лошадей? Я ни на секунду не задумалась об этом, спеша спасти сестру. Я думала о ее жизни, о счастье ее матери, но не думала о том, что ждет меня в этом браке. Одну ночь или тридцать проведу я с этим человеком, который смеялся над слезами моей сестры, но поил лошадь из собственных рук?

Конечно, с сестрой и нашими матерями мы говорили о браке. Расшивая пурпурную дишдашу, что была теперь на мне, мы вкладывали в каждый стежок свои надежды и мечты о будущем.

Мы знали, что однажды наш отец объявит, что нашел жениха моей сестре, а затем и мне, и мы переедем в шатры своих мужей. Будет пиршество, будут песни и все старые обряды. А потом – первая брачная ночь. Теперь же у меня не будет ничего этого – за исключением последнего.

Я огляделась по сторонам, продолжая неуклюже сидеть в седле. Никто не помог мне спешиться, и я твердо решила не пытаться сделать это самостоятельно, чтобы не упасть. Стражник, который увел меня от сестры, был одет в кожаный костюм, куда более подходящий для езды по пустыне, чем мое платье. Он подошел ко мне и протянул бурдюк с водой. Я взяла его, отпила совсем чуть-чуть и отдала назад. Стражник отвел глаза.

– Соли, – приказал Ло-Мелхиин. Это было первое слово, что я от него услышала.

Стражник протянул мне свою солонку – маленькую резную шкатулку, которую он носил на поясе. Взяв ее в руки, я поняла, что она сделана из дерева, а значит, стоит дороже, чем весь мой наряд. Внутри был драгоценный минерал, который

поможет нам всем выжить под палящим солнцем. Я облизнула палец и макнула его в россыпь белых крупинок. Я знала, что вкус будет неприятным, но просунула руку под покрывало и заставила себя съесть все. Стражник снова протянул мне воду. На этот раз я выпила побольше, чтобы избавиться от привкуса соли во рту, но успела увидеть, как он бережно, почти любовно пристегнул солонку на место. Она явно была дорога ему не только из-за ценности дерева.

– Спасибо, – поблагодарила я и лишь потом задумалась, было ли это позволено. Некоторые мужчины запрещали своим женам разговаривать за пределами дома, особенно с другими мужчинами. Я еще не была ничьей женой, но по сути была все равно что замужем, а Ло-Мелхиин вполне мог оказаться из тех мужей, которые предпочитают видеть рядом с собой кроткое и безмолвное создание.

– Не стоит благодарности, – отозвался стражник, и в голосе его не было страха. Он по-прежнему избегал смотреть на меня, и я поняла – это потому, что он меня жалеет. Жалеет о моей смерти.

Ло-Мелхиин вскочил в седло, откинув назад развевающиеся полы плотного дорожного плаща и упершись мягкими сапожками в бока лошади. По этому сигналу стражники тоже уселись на коней.

Я пошевелилась в седле, пытаясь найти позу, в которой было бы не так больно сидеть, но это мне не удалось. Я стиснула зубы под покрывалом, и мы поехали дальше.

Время в пустыне – странная штука. Говорят, в городе Скептики придумали способ измерять время с помощью воды и стекла, но в пустыне есть только бесконечный песок, уносящий время с собой. Невозможно определить, как далеко вы проехали и сколько еще осталось. Именно песок убивает того, кто погибает в пустыне, потому что песок – повсюду, и ему все равно, сможешь ли ты спастись. Наш путь тянулся много часов, но казалось, что прошли целые дни. Мы ехали не той дорогой, какой ходят караваны, поэтому не встречали ни других путников, ни деревень. Я подозревала, что мы ехали по прямой к касру Ло-Мелхиина, тогда как другие путники избрали бы более безопасный кружной путь с оазисами. Но направление нашего пути, как и его протяженность, терялось в бескрайних песках.

Когда солнце подошло к горизонту, а небо из ослепительно-голубого стало превращаться в густо-красное, я увидела вдалеке размытый силуэт и поняла, что мы наконец приближаемся.

Отец отца отца Ло-Мелхиина построил свой каср из белоснежного камня. Наш отец и братья рассказывали нам о нем, потому что видели его во время своих странствий, а моя мать и мать моей сестры, перестав ездить с ними, полюбили слушать рассказы обо всем, что происходит в мире. Днем стены сверкали, вбирая в себя солнечные лучи и медленно нагреваясь в течение дня. С наступлением ночи, когда в пустыне становилось прохладно, они начинали отдавать свой жар, пытаясь вернуть его солнцу, но поскольку солнце уже закатилось, жар двигался волнами, которые издали казались покрывалом из тончайшего шелка, окутывающим расплывчатые контуры городских стен. Но это не было виденьем, какие возникают у того, кто перегрелся на солнце или мечется в бреду. Это были настоящие стены, и мы подъезжали все ближе к ним.

Город состоял из трех частей. В самом сердце его возвышался каср, где жил и принимал просителей Ло-Мелхиин и где стоял храм. Вокруг пролегали извилистые улочки и теснились поблекшие дома и пыльные шатры. А вокруг них поднималась стена, высокая и неприступная. На город никто не нападал уже много поколений, стена была наследием менее мирных времен. При Ло-Мелхиине мы процветали – по крайней мере, мужчины, а именно мужчины вели учет всему, от зерна и скота до жизни и смерти.

Городские ворота были распахнуты настежь – Ло-Мелхиина ждали. Должно быть, прежде люди выходили к воротам, чтобы посмотреть на невесту Ло-Мелхиина и пожелать ей счастья. У нас в деревне, встретив невесту, люди пели гимны о процветании и долголетии. В касре таких песен не пели, во всяком случае не для меня. На улицах стояли люди, пришедшие взглянуть на свою временную королеву, но они были молчаливы и избегали смотреть на меня подолгу. Матери уводили детей, пряча их за дверьми и пологами шатров; выглядели и одевались они точно так же, как наши матери. Стражники теперь держались совсем близко ко мне, но Ло-Мелхиин ехал сам по себе. Он не боялся своего народа. Для большинства его правление не было жестоким.

Лошади почуяли, что мы приближаемся к дому, и резво затрусили по улицам. Стражники держались прямо, стараясь выглядеть подобающе своему положению, хоть и были все в пыли после долгой дороги. Мне же оставалось только покрепче вцепиться в поводья и молиться о том, чтобы не упасть. За

долгие часы в пустыне тело мое онемело и боль притупилась, но теперь мышцы снова горели огнем. Когда мы наконец добрались до конюшен, стражники спешились и тот, что с солонкой, подошел помочь мне. Я едва не свалилась на него, и, поставив меня на землю, он чуть помедлил, прежде чем разжать руки. Я разогнула ноги и спину, кости ломило. Но я не стала опираться о стражника – только прикусила язык, чтобы не вскрикнуть от боли.

– Да она умеет показать норов! – заметил Ло-Мелхиин. Говоря это, он не смеялся, что мне показалось странным, ведь он смеялся над страданиями моей сестры. Но тут его внимание привлек подошедший к нам человек в красном одеянии из тонкой ткани. Я предположила, что это дворцовый распорядитель, и его слова подтвердили мою догадку.

– Ее покои готовы, мой господин, – сообщил он. – Как и ваши, если вы желаете уединиться.

– Я сперва прогуляюсь по крепостной стене, – сказал Ло-Мелхиин. – Хочу посмотреть на звезды.

– Как пожелаете, – сказал распорядитель, поклонившись. Затем он махнул стражнику с солонкой, стоявшему рядом со мной: – Пойдем.

Остальные стражники разошлись, а тот, что с солонкой, снова взял меня за руку, на этот раз более мягко. Мы пошли за распорядителем. Мой спутник сопроводил долгим взглядом мое неловкое карабканье по ступеням, но ничего не сказал, и мы молча продолжили путь, пройдя по длинному коридору и оказавшись в саду. Там был звук, которого я раньше никогда не слышала, похожий на тихий шепот, но было слишком темно, чтобы рассмотреть, откуда он шел. Это напомнило мне о чем-то, что я слышала давным-давно, но впечатления от города и касра вытеснили пустыню из моей памяти.

По другую сторону сада нас ждала женщина. Она была старой, а ее одежда – очень простой, но из добротной материи. Она не стала кланяться, но улыбнулась мне. Это была первая улыбка, что я видела за весь день. Она повела меня к ярко освещенной купальне, жестом отослав стражника и распорядителя, и я последовала за ней туда, откуда доносился резкий запах благовоний и шелест шелков. Там нас ждали другие женщины, державшие наготове щетки, масла и тончайшие ткани, что поблескивали в свете ламп.

Они омывали и обряжали меня как невесту, но я знала, что меня готовят к смерти. И все из головы у меня никак не шел этот звук, похожий на шепот. Тогда я твердо решила пережить эту ночь, чтобы узнать, откуда он доносился. Я взошла по ступеням и очутилась в гареме Ло-Мелхиина.

Глава 4

Когда догорело солнце нашего пятого лета, на нас обрушился сезон дождей, подобного которому я не видела больше никогда. Он подступил незаметно – сперва появилась темная дымка на горизонте, и я не думала, что этого стоит бояться. Мы с сестрой пасли овец, которые в жаркую пору никогда не разбегались, зная, что погибнут, если отобьются от стада. Первый знак беды мы увидели, когда баран вдруг испугался и заблеял так отчаянно, будто его собирались резать. Он принялся бодаться, наступая на нас и на овец, и мы заплакали. Он был нашим любимцем – мы окружали его заботой, выбирали для него лучшие травы и находили тень в жаркий день, прислонясь к его лохматым бокам.

Баран сбил меня с ног и уже готов был затоптать, когда прибежали наши братья. Вопреки своему обыкновению, они не стали кричать на нас и дразниться. Это был второй дурной знак, и тогда-то мы испугались по-настоящему. Они отобрали у нас посохи и погнали наше небольшое стадо к деревне, а когда я упала, споткнувшись на ослабших после стычки с бараном ногах, старший из них – единственный полнородный брат моей сестры – поднял меня на руки вместо того, чтобы отругать. Мы бежали не к шатрам, а к пещерам, где хоронили мертвых. Небо стало еще темнее и окрасилось в странный цвет. Оно было не черным, как ночью, а серым и бурлящим, а по краям сверкали зеленые сполохи, которые мне совсем не понравились.

У входа в пещеры нас ждали матери. Они были одеты в белоснежные жреческие одежды, как на похоронах и празднествах, а у ног их лежали остатки от наспех проведенной церемонии. Мы никогда не приходили сюда с живыми – во всяком случае, на моей памяти, – но из уроков своей матери я знала, что раз сегодня мы не принесли с собой тело умершего, нужно попросить разрешения, чтобы войти.

Позади нас поднимались по склону другие жители деревни, тащившие на себе все, что смогли унести. Это было не все их имущество. Внизу, где теснились шатры, я видела много дорогих сердцу вещей. Меня охватил страх, хоть я и не понимала его причины, и я прижалась к сестре и ухватилась за покрывало матери.

– Можно нам войти? – спросил отец тихо и почтительно, как он обращался к матери, когда она облачалась в эти одежды, а не тем властным тоном, каким он обыкновенно разговаривал в наших шатрах.

Наши матери переглянулись, и между ними словно произошла беззвучная беседа. Тогда они еще не начали обучать нас своему тайному языку общения с духами умерших, но я увидела в их глазах какие-то знаки, хоть и не могла их понять. Моя мать кивнула, а мать моей сестры воздела руки к небу.

– Мы принесли подношения и исполнили обряды, – объяснила мать моей сестры. – Духи не воспротивились, а значит, можно войти, но помните, что может последовать расплата.

– Придется рискнуть, – сказал отец. – Тучи надвигаются, а нам некуда больше идти.

Тучи. Я повторяла про себя незнакомое слово, чувствуя на языке его странную тяжесть, и боялась ее. Они приближались к нам – темные, густые, нависающие низко над землей. Пока они выжидали, но долго это продолжаться не могло.

– Тогда входите, – сказала моя мать. Она обращалась к отцу, но широко распахнула руки, чтобы охватить всех. – Входите, но будьте осторожны. Духи спят чутко, когда вокруг бушуют такие ветры.

Мы оставили овец на улице под присмотром старшего брата моей сестры. Мы вошли в пещеры, и наши матери расстелили для нас на земле белые покрывала. Отец подходил к каждой семье, объясняя, где сесть и как лучше разложить вещи, чтобы не побеспокоить духов. Потом он вернулся к нам.

– Пойдем, – позвал он нас с сестрой. – Вы должны посмотреть, чтобы знать, каково это.

Раньше он никогда не обращался к нам напрямую. Его распоряжения всегда передавали нам наши матери или старший брат моей сестры. Мы ведь были всего лишь девочками, да еще столь близкими по возрасту, что мало кто из мужчин мог отличить нас друг от друга – разве что старшая из нас уже тогда была миловиднее. Мы растерялись, не зная, как поступить, и моя мать подтолкнула нас вперед, а мать моей сестры ухватила край отцовского платья и сунула его нам в руки.

– Держитесь крепко, – наказала она, и я вспомнила ее слова про расплату. – Что бы ни случилось, держитесь крепко, а потом возвращайтесь к нам.

Мы последовали за отцом ко входу в пещеру, где сторожил овец брат моей сестры. Тучи были уже прямо над нами, простираясь вдаль, насколько хватало глаз. Мне не понравилось, как пахло в воздухе, и отец улыбнулся, заметив, что я наморщила нос.

– Да, дочь моя, – сказал он. – Запомни этот запах. Запомни, как выглядят небеса. Запомни, как встревожились овцы и как баран сбил тебя с ног. Запомни все это и то, что будет дальше.

Он улыбнулся. Никогда раньше он не говорил со мной так долго. Я была напугана, но в то же время чувствовала в своем сердце жар, способный превратить песок в стекло. Что бы ни ждало нас впереди, отец хотел, чтобы мы с сестрой увидели это, узнали, каково это, и смогли спастись, когда это случится вновь. Именно тогда я поняла, что он любит нас.

Тем временем небо стало совсем черным, и тучи уже больше не могли сдерживать свой напор. Из них хлынули струи, и овцы вскинулись на дыбы, отступая к склону холма. Мгновение спустя я поняла, что это вода. Ее грохот был оглушительным. За всю свою жизнь я видела лишь ту воду, что черпали из нашего колодца. Я мылась в ней, пила ее и поливала ею побеги дыни, но ничего подобного я прежде не видала.

– Это называется дождь, – объяснил отец. – Он проливается на зеленые холмы далеко-далеко отсюда и наполняет водой сухое русло вади. Но иногда по воле божеств тучи соскальзывают с зеленых холмов и устремляются в нашу сторону, принося с собой столько воды, сколько вам доведется видеть лишь несколько раз за всю свою жизнь. Вода нужна нам, но она таит в себе опасность, и скоро вы

увидите, почему.

Мы смотрели, как дождь льется с неба, будто из бесчисленных кувшинов. Он обрушивался на нависающие над нами скалы, смывая с них песок и унося его с бешеной скоростью к вади. Овцы промокли насквозь, как промокала их шерсть, когда мы замачивали ее в краске, и источали запах, который нравился мне еще меньше того, что стоял в воздухе перед дождем.

Вдали, за шатрами, раздавался страшный рев, но я не могла разглядеть, что там происходит. Отец глянул на нас, крепко сжимающих край его платья, а затем на брата моей сестры, который стоял у самой стены пещеры. Он тоже промок насквозь, как и овцы, но в глазах его кипела решимость и не было ни капли страха.

Потом раздался другой звук, и я не сразу смогла понять, что это. Оказалось, это кричит моя сестра. Я никогда прежде не слышала от нее подобных криков и испуганно посмотрела на нее, решив, что дождь каким-то образом причинил ей боль. Отец обхватил мое лицо руками и повернул в сторону шатров. Позади них – там, где должно было быть вади, – высилась огромная серая стена. Она обрушилась на то место, где мы спали, ели и играли, и сметала шкуры и веревки, будто их и не было.

Стена продолжала двигаться в нашу сторону, стремительно взбираясь по склону холма. Я почувствовала, как и в моей груди назревает крик. Вода сокрушила наши шатры. Если она хлынет в пещеры, мы не сможем оттуда выбраться. Отец стоял впереди, а мы держались за него, глядя, как наступает вода. Она подошла к нам вплотную, и на один долгий миг мне показалось, что всем нам пришел конец. Но тут, будто по велению божества, поток отступил. Вода захлестнула сандалии нашего отца, но не забрала его с собой.

В этот момент баран вновь забился в тревоге. Овцы сгрудились вокруг него, прижимаясь к нему мокрыми боками, и их беспокойство еще больше взволновало его. Он бросился на брата моей сестры, который засмотрелся на отступающий поток, и с силой лягнул его. Брат с криком упал и покатился вниз по склону, пока вода не захлестнула его с головой и не унесла прочь.

Отец подался вперед, но не двинулся с места. Попытайся он что-то предпринять, он потащил бы нас с сестрой за собой, и если его самого вода могла пощадить,

то нас бы она наверняка поглотила. Мы беспомощно смотрели, как темную фигуру нашего брата уносит все дальше и дальше вниз по течению вади, пока наконец она не скрылась из виду.

– Идемте, – сказал отец. – Больше вам здесь не на что смотреть.

Итак, час расплаты, о которой предупреждала мать моей сестры, наступил. Когда отец рассказал ей о случившемся, она зарыдала. Она плакала, прижимая к себе мою сестру. Духи умерших взяли свое, и брату моей сестры не суждено было покоиться среди них. Его кости поглотила пустыня, а мы с сестрой узнали страшную цену зелени и жизни.

Пока служанки Ло-Мелхиина купали меня и натирали благовониями, я поняла, что звук в саду похож на тот, что мы услышали в начале потопа. Просто он был таким тихим, что я узнала его не сразу, а лишь после того, как женщины уложили меня в горячую ванну и окунули с головой, чтобы намочить мои волосы. Вода полилась мне в нос и уши, и, вынырнув, я закашлялась. Они пожалели меня, как жалели обо всем, что со мной связано. Я была обреченной невестой, приехавшей из захолустья, где отродясь не бывало столько воды, чтобы наполнить ванну. Но, придя в себя, я узнала этот звук.

Это был звук смерти, влаги и зелени. Звук расплаты. Но если найти то, за что я сумею ухватиться, как за отцовский подол, он может стать звуком надежды.

Глава 5

В моих покоях пахло шалфеем, жасмином и страхом. Не было ни намека на запах овец или песка, ведь мы находились в самом сердце касра и сама пустыня не сумела бы найти меня здесь. Я сидела на подушках из тончайшего шелка, а вокруг все было задрапировано занавесями и покрывалами из прозрачной материи, названия которой я не знала. Здесь наверняка прибрали после смерти последней жены, но что-то все же витало в воздухе. В комнате было душно, не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. Лампы горели жарко и ровно, не мерцая. Я ждала.

Служанки коротко остригли мне ногти на руках и на ногах, отшлифовав края пилкой, чтобы они были гладкими. Теперь я не смогу даже выдернуть нитку из своего покрывала, и уйдет много дней, прежде чем у меня снова выйдет прилично ткать. Я не смогу оставить след на коже Ло-Мелхиина. Зубы мои они тоже осмотрели. Городские женщины чистили зубы мятной водой, мы же свои натирали мелким песком со дна вади. У всех черепов в наших катакомбах были ровные ряды зубов, даже у тех моих предков, что умерли совсем дряхлыми. У женщин, купавших меня, улыбки были щербатые. Они, наверное, боялись, что я могу укусить Ло-Мелхиина, но с этим уж ничего не поделаешь.

Если бы на моей свадьбе была сестра, она ждала бы вместе со мной, как и наши матери. Они бы нашептывали мне секреты, которые никогда не говорят вслух при мужчинах. Но я была одна. Меня не кормили, и я была этому рада. Сейчас на сердце у меня было спокойно, но будь мой желудок полон городской еды, новой и непривычной для меня, могло бы быть иначе.

Часовой свечи мне не оставили, неба было не видно, а определять время по стоявшим в углу водяным часам я не умела. Но, по ощущениям, ждать мне пришлось недолго.

Он был одет в шелка, как и я, но его одежды были синего цвета, оттенявшего бледную кожу. Ло-Мелхиин некогда был заядлым охотником, но теперь он редко бывал на солнце. Его шаровары перехватывал пояс с драгоценными камнями, трижды обернутый вокруг талии, с застежкой в виде змеи, кусающей себя за хвост. На этой затейливой металлической застежке столь искусной выделки, какой я никогда прежде не видела, переливались блики от лампы.

На нем была рубашка с широкими рукавами. Мое платье держалось на тесемках, за которые достаточно потянуть, чтобы я осталась перед ним обнаженной. Как мне раздевать его, я не представляла.

Он сел, держась прямо и изящно, скрестил лодыжки и положил руки на колени. Он не был похож на хищника – разве что глазами, которые хищно посверкивали, пока он рассматривал меня. Я дышала медленно, как антилопа, почуявшая приближение льва.

– Моя низкородная жена, – медленно произнес он. Голос его был очень тихим, как когда он говорил со своим конем, но я не ждала от него той доброты, какую

он проявлял к животному. – Ты не боишься меня. Расскажи же, почему.

– У меня нет причин бояться, – отвечала я.

– Разве ты не боишься, что я обреку тебя на смерть, прямо в этой комнате, если ты не угодишь мне? – спросил он.

– Я знаю, что это в твоей власти и вполне вероятно, – сказала я. – Потоп всегда может прийти, стремительно и без предупреждения, ибо земля не способна приготовиться к нему. А значит, бояться его не стоит.

– В этом ты права, – сказал он и улыбнулся. Зубы у него были белые и без щелей. – Но я полагаю, что ты способна продержаться дольше, чем одну ночь.

– Я к твоим услугам, супруг мой, – сказала я и посмотрела ему прямо в глаза.

Моя мать часто говорила так, беседуя с отцом. Ему нравилось, что она отдает себя в его распоряжение. Но до этого самого момента мне не приходило в голову, что раз позволение на то давала мать, она на деле обладала куда большей властью, чем даже он мог себе представить. Ло-Мелхиин считал меня слабее себя, но не все в этом мире меряется по его меркам.

Ло-Мелхиин улыбался.

– Расскажи мне о своей сестре, – велел он. – Слуги нашептали мне, что она красивей тебя, и удивлялись, что я не выбрал ее. Ты сделала это нарочно, и я хочу знать, почему.

В его улыбке было что-то, от чего у меня в душе зажглось пламя. В памяти тут же всплыли обрывки историй, в которых было что-то похожее на мою сестру и которые можно было подогнать под нее. Они крутились вихрем у меня в голове, и я вылавливала их по одному.

– В моей сестре горит пламя, – сказала я, – и я не хотела, чтобы оно досталось тебе.

– Это еще может случиться, – возразил он. – Ты можешь умереть очень скоро, как ты сама сказала.

– Закон не допустит этого, – ответила я. – Городские мужчины и мужчины пустыни не допустят этого. Если ты нарушишь закон однажды и украдешь чью-то дочь, кто помешает тебе сделать это снова?

– Я терпелив, – сказал Ло-Мелхиин. – Быть может, я просто подожду.

– Она выйдет из возраста, – возразила я. – Мы с ней одногодки, и она успеет выйти замуж к тому моменту, как ты вернешься в нашу деревню.

– Те, в ком горит пламя, не спешат замуж, – сказал он. – Они ждут, пока не встретят пламя, равное своему. Я не видел такого в вашей деревне.

– Моя сестра умеет разжечь пламя в других, – продолжала я. – Ее муж может быть тишайшим человеком, пока не увидит ее. И тогда в нем загорится пламя, равное ее собственному.

– Ты так уверена в ней, – отметил он.

– Не меньше, чем в собственной душе, – подтвердила я.

Он засмеялся, откинув голову назад. Его зубы сверкнули в свете ламп.

Я вновь ощутила внутри себя какой-то трепет, и мое собственное пламя разгорелось еще ярче. Это чувство мне было знакомо. То же самое случилось, когда мы отъезжали от деревни, а моя сестра упала на колени в молитве. Возможно, сейчас она облачилась в жреческие одежды своей матери и собрала других женщин, чтобы помолиться за меня. Я склонилась к Ло-Мелхиину.

– В пустыне, где солнце печет жарче всего, бывают ветры, способные сорвать плоть с костей, – начала я. – Когда приходит пора этих ветров, мы оставляем старых верблюдов умирать на улице. Мы прячемся в шатрах, запасшись едой и водой, и ждем, пока ветер не успокоится.

Поначалу верблюды стонут, слыша, как поднимается ветер. Они знают, что он идет. Они чуют его. Но мы крепко привязываем их, и им не под силу разорвать свои путы. Но они все равно рвутся на волю. Рвутся, чтобы выжить. Они кричат, когда на них обрушивается первая струя горячего воздуха. Так мы понимаем, что выходить уже нельзя. Потому мы и не убиваем верблюдов, пока не придет ветер. Они – наша последняя защита.

Они все кричат и кричат. Если ветер достаточно горяч, все кончается быстро. Но иногда дело затягивается. И однажды моя сестра не выдержала. Она украла лук моего брата и приоткрыла клапан шатра, заслоняясь им от ветра. Ей повезло с направлением ветра, и она сумела застрелить верблюда, чтобы тот перестал кричать. Наш отец был так поражен, что даже не стал бранить ее.

– Так, значит, твоя сестра глупа, – сказал Ло-Мелхиин. – И к тому же мягкосердечна, раз не сумела вынести страданий верблюда.

– Нет, супруг мой, – возразила я. – Моя сестра умна. Она заслонилась от ветра, чтобы тот не обжег ее. И она убила верблюда прежде, чем он испугался и попытался вырваться.

– Останься он на привязи, он переломал бы себе все кости. А нам они нужны были целыми, – объясняла я. Пламя во мне разгоралось все сильнее с каждым словом. – Мы делаем из верблюжьих костей шесты для шатров, чтобы у нас была крыша над головой. Мы делаем из них подпорки для клапана, через который выходит дым. Горячие ветры приходят не каждый год. Иногда старый верблюд умирает своей смертью, и его приходится свежевать, как антилопу, но тогда его кости уже ни на что не годны, потому что их не закалил ветер. Из них ничего не построишь. Их едва можно использовать для растопки.

Моя сестра не глупа и не мягкосердечна, – продолжала я. – Она готова бороться за свой дом и рисковать, если необходимо. Вот почему я хотела попасть сюда вместо нее, вот почему я никогда не позволю тебе заполучить ее. В моей сестре горит пламя, и горит оно не для тебя.

Ло-Мелхиин вдруг вскочил и схватил меня за руки прежде, чем я успела отпрянуть. Впрочем, он, разумеется, был вправе трогать меня, как пожелает, а значит, оно и к лучшему, что я не сдвинулась с места. Когда наши руки соприкоснулись, загорелось другое пламя. Мне казалось, я вижу его – золотые и

голубые нити, словно песок и небо, переливающиеся из моего тело в его. Но я так долго была на солнце в тот день, что не решалась поверить собственным глазам. Он все держал мои руки. Один вздох, пять, десять. Язычок медного пламени скользнул от его пальцев к моим, столь слабый, что я удивилась, почему он мне привиделся. А потом он отпустил меня.

– Молодец, жена, – сказал он и поднялся с места. – Ты преуспеешь в моем доме.

А потом он ушел, и лишь вязкий воздух всколыхнулся, когда он растворился в ночи.

Я откинулась на подушки, чувствуя одновременно усталость и ликование. Я задумалась о том, ощущала ли моя сестра то пламя, что я разделяла с ней сегодня. Интересно, горел ли этот огонь внутри нее и знала ли она, что это такое. Она, должно быть, молилась весь день – или семейным божествам в пещерах, или у алтаря, который она обещала сделать для меня. Ведь я почувствовала в своей душе трепет, а когда Ло-Мелхиин дотронулся до меня, я видела сияние пламени. Я не знала, что это значит и даже что именно произошло, но мне было все равно. Я слышала, как поют птицы в саду, и, хоть я не умела читать время по водяным часам, я знала, что близится рассвет. Я провела первую ночь как жена Ло-Мелхиина.

И я выжила.

II

Ло-Мелхиин приехал в пустыню человеком, а покинул ее кем-то иным.

Он отправился охотиться на львов, ибо его мать любила делать пряжу из их косматых рыжих грив, а они нападали на деревни вдоль окраин пустыни. Он ехал один, как и подобало опытному охотнику, но Надаркви Зоркий наблюдал за ним с красных скал, а рядом стоял Сарейя Быстроногий, готовый в любой момент броситься на помощь Ло-Мелхиину.

Одни говорят, что в тот день Ло-Мелхиин встретил в дюнах злого бога. Другие говорят, что он заключил сделку с демоном. Скептики, оторвавшись на мгновение от своих мраморных табличек для письма, заключили, что он перегрелся на солнце. Бог ли, демон ли, хворь ли – значения не имеет. Истинной причиной был я.

Увидев его, я понял, что он должен стать моим. Он был выше большинства своих соплеменников, плечи его не были согбены тяжким трудом, ему никогда не приходилось самому молоть себе зерно. Одежды его были из лучшей ткани, а в глазах его горело нечто, говорившее о власти. Я возжелал получить это, как желал прежде красивых вещей. И я завладел им.

Разум его был крепче, чем я ожидал, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы найти в нем лазейку. Он любил своих подданных – а их у него было немало. Он чтил свой долг. Он умел чинить доспехи и печь хлеб, хотя в силу своего положения ему редко доводилось это делать. Но в самой глубине его души, под покровом гордости за свой труд и свой дом, крылась тревога, оставлявшая глубокую расселину в его помыслах.

Он был так молод. Отец его правил так дурно. А мать его была так больна.

Туда-то я и впился зубами и когтями. Я выволок его тайные сомнения наружу, подставив их жаркому солнцу. И там, где его сердце дрогнуло, я разбил свой лагерь.

Он сопротивлялся – лучшие из них всегда сопротивляются, – но было слишком поздно. Он стал моим. Я растоптал его чувство долга и похоронил его привязанности. Я оставил лишь то, что мне было нужно. Власть. Знания. Умение править.

Когда я впервые открыл его глаза, мир стал казаться меньше, но он был моим. Воздух наполнял его легкие, потому что я так решил. Я мог бы с равной легкостью заставить его задохнуться. Стоило мне захотеть, и он снял бы с ног сапоги и обжег бы свои стопы о песок.

Я оставил частичку Ло-Мелхиина в уголке его разума, что не всегда делал с другими. Обычно люди, которых я покорял, сгорали быстро, оставляя во мне чувство голода. Но Ло-Мелхиин был другим. Он был сильнее. И мне доставляло

удовольствие слышать его крики.

Я услышал рев и встал, опершись на его копье. Свое копье. Я держал копье его руками – своими руками – и ждал, пока лев подойдет ближе. Ло-Мелхиин умел убивать львов, не испортив шкуру. Он мог подарить им быструю и безболезненную смерть, чтобы затем отнести гриву своей матери, которая радовалась им даже в своей хвори.

Но неподалеку бродили гиены, и когда я метнул его копье – свое копье, – оно вонзилось в лапу льва, пригвоздив его к земле. Зверь снова взревел, на этот раз от боли. Гиены услышали его рев и рассмеялись в ответ, и хохот их раскатился по дюнам, пока они окружали раненного зверя.

Лев пытался отбиться, но гиен было слишком много, а челюсти их – слишком сильны. Они рвали златогривого зверя на куски. Шерсть, кровь и кости разлетались по песку, а они пожирали льва заживо, и ничто не могло помешать им.

Я заставил Ло-Мелхиина смотреть.

Глава 6

Я проснулась от дуновения ветерка – струйки свежего воздуха, не отягощенного благовониями. На мгновение я забыла, где спала, но тут служанка поставила у моей подушки поднос, и я все вспомнила. Я вдохнула свежий воздух, струившийся сквозь открытую дверь, которую я не успела разглядеть накануне, прежде чем тусклый свет свечей усыпил меня, и приподнялась на постели.

– Госпожа, – сказала служанка, – вы должны выпить чаю.

Должно быть, принося завтрак другим женам, она обнаруживала лишь их бездыханные тела, лежащие в шелках. Впрочем, увидев меня живой, она не выказала ни удивления, ни облегчения.

Она протянула мне чашку с такими тонкими стенками, что я удивилась, как в ней держится жидкость. Я взяла чашку обеими руками и отпила. Вкус был ужасный, и я узнала его по описанию своей матери. Это был чай, который пьют, чтобы не зачать ребенка. Ло-Мелхиин вчера дотронулся лишь до моих рук, но я все равно выпила чай до дна.

Прошлой ночью в этой комнате были силы, которых я не понимала. При мягком дневном свете было сложно все вспомнить, но проще было поверить. Я все еще чувствовала в своей груди слабый трепет и знала, что сомнений быть не может. Тот свет, что пробежал между нами, сперва от меня к нему, а потом обратно в другом цвете, не походил ни на что, виденное мною прежде. И здесь мне некого было расспросить об этом.

– Госпожа, – вновь обратилась ко мне служанка, – желаете ли вы поесть?

Интересно, ждала ли она от меня слез или жалоб? Но я лишь села, скрестив ноги, и потянулась за пиалой. Служанка поклонилась, подавая мне ее. Бронзовая посуда была прохладной на ощупь. Еда была простая, будто повар, готовивший ее, знал, что я родом из пустыни, и боялся, что от непривычной пищи мне станет плохо. Я зачерпнула хумус куском хлеба и стала медленно жевать, а служанка стояла рядом, наблюдая за мной.

Ей столько же лет, сколько и мне, подумала я, хотя кожа ее под покрывалом была бледнее моей. Она не знала столь сильного солнца и ветра, как я. Ногти ее были коротко острижены, как и у меня, а волосы уложены аккуратными кольцами на затылке. Такую сложную прическу я никогда не пробовала сделать, и я стала соображать, как бы ее повторить, но мне было не видно, как она закреплена под шелковым покрывалом. Потом я вспомнила про купальню, где меня наряжали вчера, и поняла, что мне уже никогда больше не доведется причесываться самой. Прическа королевы должна быть изысканна и выполнена чужими руками.

Когда я доела, служанка поставила пиалу на поднос и потянула за шнур, висевший у изножья постели. Раздался нежный перезвон, по сигналу которого в комнату вошли другие служанки. Они принялись распахивать ставни и окна, впуская в комнату свежий воздух, а одна из них унесла посуду. Первая служанка протянула мне руки, и я позволила ей вытащить себя из постели. Я пошла вслед за ней по дорожке, где снова услышала журчание воды. Я остановилась, сомневаясь, позволено ли это, но не услышала возражений и стала смотреть на

источник звука. Я пережила эту ночь, чтобы взглянуть на него, и не была разочарована.

Это была статуя женщины, которая гордо возвышалась, опершись ногами на спины двух львов. В руках она держала перевернутый кувшин, из которого тонкой струйкой лилась вода на разноцветную гальку. Женщина была красива, но в глазах ее я заметила нечто, что мне не понравилось, что не сочеталось с ее лицом.

– Госпожа, – сказала служанка, – это мать Ло-Мелхиина. Эту статую изваял Фирх Камнедар в честь ее выздоровления.

Мать Ло-Мелхиина долго и тяжело болела. Здоровье уходило из нее капля за каплей, оставляя ее бледной, хрупкой и лишенной жизненных сил, словно брошенные на солнце голые кости. Когда Ло-Мелхиин вернулся из пустыни после встречи с тем неведомым демоном, который завладел им, он излечил ее, но теперь она больше не выходила на солнце. Интересно, знакомилась ли она с женами своего сына или же не видела в этом смысла?

– Госпожа, – позвала служанка, и я последовала за ней в купальню.

Сегодня они одели меня проще и использовали куда меньше благовоний. Они расчесали мне волосы, свернули их в кольца и закололи под покрывалом. Я не знала, что сделали с пурпурной дишдашой моей сестры, в которой я приехала сюда. Она казалась мне такой изысканной, когда я ее надевала, а теперь я даже не помнила, когда ее с меня сняли. Интересно, ее просто выбросили или отдали кому-то? А может, сохранили ее для моих похорон?

Теперь меня облачили в платье куда более тонкой работы. Шелк был почти невесомым, а стежки – такими мелкими, что мне пришлось прищуриться, чтобы их разглядеть. Служанки накрасили меня, чего не делали прошлой ночью: подвели глаза черным, а потом синим, под цвет платья. Закрыв глаза, я увидела перед собой жителей своей деревни и стала наблюдать, как они просыпаются и готовятся к дневным трудам.

Наш отец по возвращении обнаружит, что его второй дочери больше нет. Возможно, он даже будет скорбеть по мне, вспоминая девочку, которая держалась за край его платья во время потопа, и женщину, которую он мог бы в

паре с моей сестрой выменять на достойный выкуп. Нашим братьям, пожалуй, нечего будет сказать. С тех пор, как по наступлении нашего с сестрой десятого лета мы оставили пастушью работу и стали проводить свои дни в шатрах, обучаясь тому, что пригодится нам в замужней жизни, мы видели их нечасто. Мысленно шагая по деревне, я прошла мимо них и направилась в шатер, где теперь спали моя мать, сестра и ее мать.

Я откинула клапан и заглянула внутрь. Вот алтарь, который соорудила сестра в мою честь. Он меньше того, что стоит в пещере, но сделан с большой любовью. Он сложен из темных камней, а вокруг них лежит пурпурная ткань, оставшаяся от платья, которое мы шили вместе с сестрой и которое я забрала у нее, чтобы спасти ей жизнь. На алтаре вместо лампады стоит сальная свеча. Такие свечи стоят дороже и сгорают быстрее, но свет от них ярче, и говорят, что божества внимательнее к такому свету, потому что он больше похож на солнечный.

Сестра стояла на коленях перед алтарем и шептала молитвы на семейном наречии. Моя мать стояла на коленях подле нее, но молчала. Лицо ее было заплаканным, и я знала, что она не будет молиться за меня, пока не сможет вложить в свои молитвы лишь гнев и надежду. Слезные молитвы предназначались для умерших – как когда мы молились за брата моей сестры, которого унес потоп, и за детей, которых потеряла моя мать. Мать моей сестры делала узелки из черной нити и выкладывала их на пурпурный шелк, чтобы придать законченный вид алтарю. Я надеялась, они не забудут, что сестре нужно новое платье. Не стоит им посвящать этому алтарю всю свою жизнь.

– Госпожа, – окликнула меня одна из служанок, и я открыла глаза.

– На мне вчера была пурпурная дишдаша, – сказала я. Слова вырвались сами собой. Это были первые мои слова за много часов. Служанки встрепенулись, но тут же совладали с собой.

– Да, госпожа, – ответила девушка, которая принесла мне завтрак.

– Я бы хотела получить ее назад, – сказала я. – Мы сшили ее вместе с сестрой, и мне бы не хотелось, чтобы ее уничтожили.

– Конечно, госпожа, – ответила она.

Я не привыкла сидеть без дела, поэтому день тянулся бесконечно долго. В моих покоях не было никакого рукоделия, а служанка, сидевшая со мной, молчала. Я кое-как перетерпела утро, потом пообедала печеными перцами, а с наступлением вечера меня вновь повели в купальню. Служанки умыли меня, распустили и расчесали мне волосы, втирая в них благовония. Меня снова облачили в шелка на столь тонких завязках, что я в любой момент могла остаться обнаженной, и отвели в мои покои.

Ло-Мелхиин, как и накануне, вошел и сразу сел, на этот раз на постель.

– Ты все еще не боишься меня, – отметил он.

– Мне все еще нечего бояться, – ответила я.

– Расскажи мне еще о своей сестре, – сказал он тогда. – Раз ты готова умереть за нее, должно быть, о ней есть что рассказать.

– Так и есть, – сказала я. – Мы вместе сшили платье, такое прекрасное, что сам король обманулся, выбрав синицу вместо журавля.

– Этого платья ей больше не видать, – сказал Ло-Мелхиин. – Если я пожелаю, его уничтожат. Я знаю, что ты просила вернуть его.

– Моя сестра сошьет себе другие платья, – сказала я. – Наш отец любит ее мать и привозит ей лучшие шелка. Мать ее не глупа, чтобы тратить их на себя, и она обучила мою сестру шить платья и покрывала, такие прекрасные, что, когда она идет на базар, никто не может отвести от нее глаз. Теперь она будет шить, вкладывая в стежки свои собственные секреты, и они станут еще могущественнее, потому что ей не придется делить их ни с кем, даже со мной.

– Быть может, я увижу ее на базаре и нарушу закон, – сказал Ло-Мелхиин.

– Не нарушишь, – возразила я. Я не боялась его, поэтому мне легко было говорить ему правду. – Купцы нужны тебе. Если ты нарушишь этот закон, они станут думать, какие еще законы ты готов обойти.

Ло-Мелхиин улыбнулся хищной улыбкой льва и вновь потянулся к моим рукам. Я снова не стала препятствовать ему, хотя на этот раз его пальцы крепче обхватили мои запястья. Я смотрела, как от моих рук к его тянется пламя, пурпурное и черное, как шелк, расшитый секретами. Кровь загудела у меня в ушах, а лампы как будто разгорелись ярче, но затем от его пальцев к моим заструилось медное пламя. На этот раз я была уверена: это не плод моего воображения. Холодное пламя было его силой, я была уверена в этом, а медное пламя было моим, и сегодня оно горело еще ярче. В глазах и в ушах у меня прояснилось, и я постаралась показать Ло-Мелхиину, что ему не удастся меня запугать. Он подался вперед и приложился губами к моему лбу. Я бы не назвала это поцелуем, но ему, похоже, этого было достаточно.

– Мы шили это платье много ночей подряд и плели свои секреты из нитей, которые не расплести, – говорила я напевным голосом, каким рассказывала старинные предания. Его пальцы не ослабляли хватку. Я чувствовала, что он хочет знать больше, хочет вытянуть из меня мои тайны, но мое пламя придавало мне сил, и я не собиралась сдаваться.

Секреты наши по большей части касались мелочей. Каких овец надо постараться включить в ее приданое, какие горшки она возьмет с собой, когда выйдет замуж и покинет отцовские шатры, какие блюда будет готовить, когда обзаведется собственным хозяйством. Эти секреты не стоили ничего, но в то же время стоили целого мира. В них была моя сестра, и я никогда не расскажу ему, какое сокровище он упустил.

Наутро у моей постели лежала аккуратно сложенная дишдаша из пурпурного шелка, расшитого черной нитью. А я была все еще жива и увидела ее.

Глава 7

В последующие дни я стала понемногу изучать жизнь дворца. Служанки, которые каждое утро приносили мне чай и свежую одежду – и которые, вероятно, будут наряжать меня в саван и петь поминальные песни, когда Ло-Мелхиину наконец со мной надоест, – были все как одна миловидны. Они носили сорочки, а поверх них – простые белые платья, того же цвета, что и жреческие одежды моей матери, но более строгого покроя. Волосы у служанок были

темными, как у меня, но короче и заплетены в косу, свернутую кольцом на затылке. Я бы и сама хотела такую прическу, но каждое утро женщина, причесывавшая меня, ставила надо мной все новые опыты. Замысловатые прически давили в непривычных местах, и часто к полудню у меня начинала болеть голова. К тому же от них зудела кожа.

Служанки в купальне выглядели примерно так же, но за работой носили только сорочки. Они купали меня каждое утро, и, признаюсь, я находила немалое удовольствие уже в том, сколько воды они на меня тратили. Вода была такой горячей, что от нее шел пар, и мне казалось, что она не только омывает мое тело, но и окутывает легкие. Раз уж мне приходилось жить здесь, я решила наслаждаться всем, чем могла.

Вторая половина дня нравилась мне гораздо меньше. Я могла гулять по саду, пока солнце не припекало слишком сильно или же когда оно клонилось к закату и начинали распускаться ночные цветы, но вскоре мне надоело смотреть на одни и те же статуи с их жуткими глазами, и на одни и те же фонтаны, хоть мне и нравилось их пение. На четвертый день, когда одна из служанок собиралась было оставить меня, я ухватила ее за подол.

– Пожалуйста, – обратилась я к ней просительным тоном, будто к своей матери, – не найдется ли какого-нибудь рукоделия, за которым я могла бы скоротать время? Дни тянутся так долго, а я не привыкла сидеть без дела.

Она колебалась, и я понимала, почему. Как супруге Ло-Мелхиина мне полагалось заведовать мастерскими, где женщины ткали и вышивали. Но, в то же время, мне нельзя было доверять ни острых инструментов, ни струн для ткацкого станка, чтобы я не вздумала наложить на себя руки. Оставалось только прядение. Пожалуй, я могла бы причинить какой-то вред веретеном, но если надломится острие, у меня в руках останется лишь глиняное пряслице. Тут я вспомнила, что здесь я не просто чья-то дочь, а королева, пусть и ненадолго.

– Я буду прясть, – объявила я, избавив служанку от необходимости принимать решение. – Это мое любимое занятие, и я бы не хотела потревожить работу ваших мастериц.

– Да, госпожа, – покорно ответила служанка и повела меня вглубь по коридору.

Как только мы вошли в мастерскую, все головы обернулись на меня и все разговоры стихли. В комнате было десятка два женщин, сидевших группами за разным рукоделием, но если бы одна из них сейчас уронила иглу, раздалось бы эхо. Служанка выглядела так, будто мечтала провалиться сквозь землю, но я держалась горделиво. Я подошла вслед за ней к стопкам свежевычесанной шерсти, и она протянула мне веретено, а потом села на свое место среди вышивальщиц.

Потребовалось какое-то время, чтобы мои пальцы вспомнили навык. Дома мне редко доводилось прясть – мне поручили вышивание, как только я стала соображать, насколько это ценная работа. К тому же наша шерсть была гораздо грубее. Моя мать могла получить нитки и потоньше, когда хотела, но их привозил отец, сами мы таких не делали. Руки у меня были обветренными и мозолистыми еще с тех времен, когда я пасла овец. Нитка цеплялась за мои грубые пальцы и путалась, так что мне снова и снова приходилось переделывать работу.

Мастерицы ничего не говорили, но я чувствовала, что они наблюдают за мной. Поначалу мне хотелось их внимания, хотелось, чтобы они помнили, кто я. Но они молча смотрели на меня и видели бедную деревенскую девчонку, которая и прясть-то толком не умеет, и мне захотелось, чтобы они перестали.

– Госпожа, – раздался голос у меня за плечом. Я обернулась и увидела пожилую женщину с узловатыми пальцами и доброй улыбкой. Она протянула мне пару мягких белых перчаток, и я взяла их, кивнув в знак благодарности.

– Пустыня рождает сильных, – сказала она. Это была старая присказка, которую отец любил повторять моим братьям, когда они жаловались на ветер, песок или непослушную скотину.

– И не нам роптать на шатры своего родителя, – закончила я, и она улыбнулась еще шире.

Она вернулась на свое место, а я снова взялась за веретено.

Теперь пряжа ровной нитью заструилась у меня под пальцами, кольцами ложась в корзину у моих ног. Я почувствовала, как остальные женщины вновь обратили взгляды к своей работе. Перестав на меня смотреть, они позабыли о моем

присутствии и возобновили свои разговоры.

Моя мать рассказывала мне, что, когда она только вышла за нашего отца и он еще не накопил достаточно, чтобы обосноваться в деревне своего отца, они с матерью моей сестры странствовали вместе с ним. Им такая жизнь давалась тяжело. Помимо тягот постоянных переездов, им приходилось каждую ночь полагаться на гостеприимство жен и матерей других торговцев. Мужчины уважали нашего отца, видя в нем торговца, который сумеет хорошо поставить дело, но женщины смотрели на вещи иначе. Зачем он женился, если не был достаточно богат, чтобы обеспечить своим женам спокойное житье? И зачем он женился дважды?

И все же каждую ночь моя мать и мать моей сестры отправлялись в шатры чужих женщин и доставали свое рукоделие. Всегда находилась одежда, нуждавшаяся в починке, а иногда им доставалась и более тонкая работа, если торговля у отца шла удачно. Женщины смотрели на их работу, наблюдали, как они трудятся вместе, и понимали, что отец наш все-таки не глуп, равно как и его жены. Тогда женщины начинали беседовать друг с другом. От них наши матери узнавали об обычаях хозяев больше, чем отец мог себе представить.

– Когда глаза сосредоточены на работе, – говорила моя мать, готовя меня к жизни жены торговца, – легко забыть, кто сидит рядом и может услышать твои слова. Вы с сестрой должны помнить об этом, когда выйдете замуж. Трудитесь как следует, и тогда те, кто сидит рядом, расскажут вам то, чего вы и не надеялись узнать.

Пусть этот совет предназначался для жены торговца, но мне он пригодится и в королевском дворце. Пока я пряла, женщины вокруг меня завели разговор. Поначалу он был тихим, словно шепот тростника на берегу вади. В тот день они ничего не сказали ни о Ло-Мелхиине, ни о касре, но они уже не замолкали в моем присутствии, и я знала, что, если проживу достаточно долго, то вскоре услышу что-нибудь такое, что может мне пригодиться.

Пока же я сосредоточилась на своем веретене. Этому приему научила меня мать. Прядение не требует большой работы ума, поэтому, когда привыкнешь к весу веретена и толщине пряжи, глаза уже больше не нужны. Мать моей матери последние десять лет своей жизни пряла вслепую, но нитки, которыми моя мать расшивала свою свадебную дишдашу, были нисколько не хуже тех, что покупал для нее потом отец.

Прядение – дело для любителей помечтать, а мне хотелось мысленно перенестись к своей сестре – туда, где больше воли и меньше страха.

Дыхание мое стало медленным, в такт вращению веретена, а глаза двигались взад-вперед, следуя за нитью. Я пряла из сырой шерсти, которую будут красить позже, но вскоре в грязно-белой пряже мне стали видеться отблески черных волос моей сестры.

Она была в пещерах внутри холма, где мы хоронили умерших и где я впервые увидела дождь. Моя мать и ее мать стояли рядом, и все они были облачены в белые жреческие одежды, которые женщины моей семьи надевали, приходя в это место. Моя сестра разучивала поминальные песни, хотя никого не хоронили, и наши матери обучали ее своему мастерству. Меня это озадачило. Если ей и придется петь поминальные песни, то лишь те, что приняты в семье ее мужа. Ей нужно будет придерживаться их обычаев. Но я была уверена, что видение не лжет. Сестра разучивала поминальные песни нашей семьи, а это значило, что она решила остаться в шатрах нашего отца навсегда – чтобы всегда быть рядом с моим алтарем.

Интересно, знает ли о ее замыслах отец. Я не могла представить, чтобы он дал на это свое согласие. Конечно, он с почтением относился к божествам, и не в последнюю очередь потому, что именно духу отца отца своего отца он был обязан своей удачей в торговле. Этот алтарь был самым ухоженным в наших пещерах.

Даже во время засухи у него всегда стояли пресноводные цветы и маринованные коренья. Но моя сестра стояла не у этого алтаря.

Алтарь был новым, из камней, выбеленных жарким пустынным солнцем, а не потемневших за долгие годы в пещере. На нем лежали лоскуты пурпурной ткани, которую я сразу узнала. Когда кроили дишдашу для свадьбы моей сестры, ее мать сохранила обрезки, чтобы потом пустить их на талисманы. Делать их мы еще не начали, поэтому обрезки лежали в ее коробе с рукоделием. Но теперь они были на алтаре, разложенные так, чтобы их увидели духи.

Чтобы их увидела я.

Значит, это мой алтарь ее обучали хранить. Алтарь, который сделает меня божеством, когда я умру, и который она обещала построить для меня, пока я еще жива. Я видела, как сестра и ее мать молились у другого алтаря, поменьше, в своем шатре, и думала, что этим все и ограничится. Но, должно быть, она рассказала о своей задумке моей матери – возможно, чтобы утешить ее скорбь, – и они решили вместе молиться за меня в самом священном для нас месте. Теперь она никогда не уйдет. Она будет моей навсегда.

– Госпожа? – окликнула меня добрая женщина, подходившая ко мне раньше. – Госпожа, вам пора идти.

Я встрепенулась, очнувшись от своего транса. У ног моих лежал большой аккуратный клубок грязно-белой пряжи. В зале зажгли лампы. Прошло несколько часов.

– Благодарю вас, – сказала я, обращаясь ко всем. – Увидимся завтра.

Они молча кивнули. Это было смелое заявление.

В ту ночь Ло-Мелхиин снова пришел в мои покои и попросил меня рассказать ему о моей сестре.

– Мой отец уже должен был вернуться с караваном, – сказала я. Он еще не взял меня за руки, но я уже чувствовала, как внутри меня разгорается пламя. Оно пылало и вертелось, как веретено. – Он привез им вести о предстоящем замужестве моей сестры.

– О замужестве? – удивился он. – Ты лжешь.

– Не лгу, – сказала я, хотя его слова были правдой. – В последние годы отец подыскивал мужа для моей сестры, и теперь он нашел того, кто пришелся по нраву и ему, и ей.

– Его так заботит ее мнение?

– Моя сестра должна любить того, за кого выйдет, – сказала я, и пламя во мне разгорелось ярче. – И в нем она зажжет все огни вселенной.

Я солгала, но наутро все равно проснулась живой.

Глава 8

Утром седьмого дня чай мне принесла пожилая женщина. Она была не такой старой, как старшие ткачихи с их узловатыми пальцами и сгорбленными плечами, с их седыми волосами, уложенными в ту простую изящную прическу, о которой я так мечтала. Она была старой, как скала в пустыне, выбеленная и закаленная солнцем, которое сгладило все ее несовершенства. А распущенные волосы, обрамлявшие ее лицо, были золотисто-рыжего цвета, какого я раньше никогда не видела.

Именно волосы ее и выдали. Я поняла, что это мать Ло-Мелхиина, которая была так сильно больна и которую он излечил, вернувшись из пустыни. После болезни волосы ее так и не отросли, поэтому она сделала себе парик из львиных грив, столь полюбившихся ей. Их невозможно было расчесать или уложить – они поддавались приручению не лучше, чем сами львы. Сияющая в рассветных лучах золотистая грива выглядела причудливо, но красиво.

Я села и взяла из ее рук чашку. Я задумалась, не нужно ли мне встать с постели и поклониться, но не успела я пошевелиться, как она уселась на подушки в изножье кровати, подобрав под себя ноги, словно сама была дочерью пастуха.

– Семь ночей, – сказала она. – Полагаю, я не могу дальше избегать встречи с тобой.

Быть может, поначалу она пыталась проявлять интерес к женам своего сына, а уже потом приучилась не обращать на них внимания, как остальные обитатели касра? Женщины в мастерской все еще избегали говорить со мной, хотя между собой стали беседовать громче и уже не столь осторожно. По крайней мере, теперь они не выглядели столь удивленными, когда я приходила к ним каждое утро, и уже не отводили глаза, когда я прощалась с ними до завтра.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, – сказала я. Я не знала, как себя вести и даже как обращаться к ней, поэтому просто пила свой чай, молясь

про себя, что ничем не оскорбила ее.

– Мой сын говорит, что ты не боишься его, – сказала она. А я и не знала, что они общаются между собой. Не знала, одобряет ли она его браки. Не знала, боится ли она его.

– Я боюсь его, – ответила я, что было близко к истине. – Я боюсь его, как обжигающего солнца пустыни и ядовитых змей. Все это – часть жизни. Но солнце дает нам свет, а змеи способны накормить караван, если их поймать и приготовить.

– А благодаря моему сыну в стране мир и процветание, – сказала она, и в словах ее звучала горечь. Ее супруг был плохим правителем.

– И мне не скрыться от него, – согласилась я.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, и я поспешила допить свой чай.

– Я расскажу тебе о своем сыне, – сказала она. – Не о том человеке, каким он стал, поскольку его ты знаешь не хуже меня, но о том, каким он был в детстве и когда только учился охотиться.

Я задумалась, не пытается ли она вызвать у меня жалость к нему, но потом вспомнила обо всех тех, кто жил в этих покоях до меня, и сердце мое не дрогнуло. Однако других дел у меня все равно не было, а наш отец всегда поучал моих братьев, что лучшая дорога – та, которую лучше знаешь.

– Я выслушаю вас, – согласилась я.

– Выходи в сад, когда оденешься, и мы поговорим, – сказала она и вышла из комнаты, прикрыв за собой раздвижные двери.

Вошли служанки, лица которых были исполнены волнения, хоть они изо всех сил пытались его скрыть. Сегодня мои волосы наконец уложили в простую прическу, только со скрученными прядями вместо кос, что смотрелось лучше, но хуже держалось на голове. Мне казалось, что у меня в волосах больше шпилек, чем кольев в шатрах нашего отца. Потом меня отвели в сад с фонтаном, который я

видела в свой первый вечер в касре, и я села подле матери Ло-Мелхиина. Возле нас стояли корзина с инжиром и кувшин подслащенной воды.

– Я родом с юга, – начала она, – где пустыня синяя и выглядит, как вода, но убивает того, кто попытается пить из нее.

Отец рассказывал мне об этом, и братья тоже видели те места. Это была их любимая история, которую они часто рассказывали нам с сестрой.

Бескрайняя синяя пустыня колышется от дуновения ветра и то убывает, то прибывает в размере, следуя фазам луны. Под поверхностью ее живут какие-то создания, подобные нашим землеройным змеям и насекомым, но если отпить из нее, можно сойти с ума и умереть, как если попытаешься выпить песок.

– В тех краях водятся другие животные, – продолжала она. Я опомнилась и стала внимательно слушать. – Поэтому, когда мой господин пришел, чтобы взять меня в жены, и привез мне мою первую львиную шкуру, я поняла, что должна последовать за ним, чтобы своими глазами увидеть создание со столь роскошным мехом.

Интересно, каково это – не бояться львов. Когда мы с сестрой начали пасти скот, нас научили убивать шакалов и гиен, но мои братья всегда настаивали: если придет львица, пусть берет что захочет. Самцы, как я узнала позже, были другими, но все равно очень опасными, особенно если бродили по пустыне в одиночку.

– Я любила его, хоть он и был в какой-то мере глуп, – рассказывала мать Ло-Мелхиина. – Он был добр и справедлив. В более спокойные времена из него получился бы прекрасный правитель. Но судьба распорядилась иначе. Я заболела, а вода, которая приходит к нам из дальних краев, по какой-то причине не приходила. Наместники, которым он доверял, предали его, набивая собственные карманы вместо того, чтобы заботиться о жителях вверенных им земель. А потом родился мой сын.

Значит, Ло-Мелхиин был на десять лет старше меня. Когда родилась я, люди уже привыкли к тяжелым временам. Моему отцу приходилось странствовать в более дальних краях и реже бывать дома. Моя мать и мать моей сестры научились беречь каждую лишнюю нитку, каждую буханку хлеба, каждый кусок мяса. Мы

не голодали, равно как и остальные обитатели нашей деревни, но в городах дела шли не так гладко.

– Мой сын рос человеком суровой закалки, под стать времени, но в его улыбке я замечала отцовскую доброту, – говорила она. – Я знала, что он будет лучшим правителем, чем отец, и супруг мой тоже знал это. Он тратил много часов на то, чтобы найти Ло-Мелхиину лучших учителей и наставников. В каком бы ремесле ни пожелал он попробовать свои силы, отец находил ему учителя.

Но больше всего он любил охоту, – продолжала она. – Он обучался секретам пустыни с той же легкостью, с какой ястреб учится летать. К своему двенадцатому лету он уже приносил домой больше мяса, чем лучшие охотники касра, хотя в те времена с дичью еще было туго. Он объездил пустыню вдоль и поперек и узнал свои земли лучше, чем когда-либо знал его отец. Куда бы он ни направлялся, его сопровождали верные стражники.

Я много слышала об этих стражниках. Их имена теперь стали легендой, равно как и имя самого Ло-Мелхиина. Быстроногий и Зоркий не спасли своего господина от того неведомого зла, которое повстречалось ему в последней поездке в пустыню. Но его мать говорила о них с такой теплотой, что я изо всех сил старалась сдержать чувства, которые могло выдать мое лицо.

– Первого льва он убил в свое шестнадцатое лето, – сказала она. – Зверь таскал овец из деревни неподалеку от города, и люди боялись, что он может пристраститься воровать детей. Мой супруг запретил Ло-Мелхиину охотиться на того льва, но он все равно уговорил стражников ехать и три дня спустя вернулся с доброй шкурой.

С тех пор стало казаться, что львы нарочно дразнят его. Хотя им, должно быть, доставалось не больше дичи, чем нам, поэтому они вынуждены были охотиться на овец, служивших легкой добычей. Уезжая в пустыню, он каждый раз возвращался с львиной шкурой. Мне они нравились безмерно. Они были такими мягкими и так приятно пахли дикой природой. Силы тогда уже покидали меня, неуклонно истаивая под палящим солнцем, и шкуры, которые привозил мне сын, были одной из немногих радостей, какие у меня остались.

Говоря это, она провела пальцами по своему парику, улыбаясь приятному воспоминанию.

– А потом он отправился за последней шкурой, – улыбка исчезла с ее лица. – А что было дальше, тебе известно.

Мы сидели, слушая журчание фонтана, а солнце над нами поднималось все выше.

– Госпожа матушка, – медленно проговорила я, и мне вовсе не показалось странным обратиться к ней так же, как к матери моей сестры. – Зачем вы рассказываете мне все это?

– Я хочу, чтобы ты знала, что за человек твой муж, – ответила она. – Нехорошо, чтобы ты видела в нем только чудовище. Придворные сказали бы тебе, что он сделал для нас много хорошего и что твоя жизнь и жизни остальных девушек – это цена, которую мы должны заплатить. Я же хотела рассказать тебе, что когда-то он был хорошим человеком, каким мы с мужем надеялись вырастить его. Он больше не тот человек. Но каждый день, пока ты жива, я буду молиться божествам своей семьи, чтобы он снова стал тем человеком.

С этими словами она оставила меня, а я сидела в саду, пока солнце не распалилось настолько, что я была вынуждена искать тень. Для меня по-прежнему не имело значения, что Ло-Мелхиин когда-то любил свою мать и своих подданных. Он проливал кровь и поддерживал мир, но люди помнили только про мир. Меня же это не устраивало, хоть я и не хотела бы, чтобы вместо меня жизнь отдала какая-то другая девушка. Проведя в касре семь дней, я твердо решила продержаться еще семь, а потом еще. Теперь у меня была карта торгового пути – во всяком случае, я знала дорогу лучше, чем до того, как мать Ло-Мелхиина рассказала мне о своем сыне. Быть может, у него есть какое-то слабое место, которым я смогу воспользоваться.

Но думала я и о том, что она сказала под конец и о чем говорилось во всех историях, – что он уже не тот человек.

Глава 9

В тот день я не пошла в мастерскую. Вместо этого я стала гулять по саду, рассматривая великолепные статуи, сделанные скульпторами Ло-Мелхиина. Вновь увидев изваяние его матери, стоящей на спинах пары львов, я остановилась. Когда я увидела статую впервые, она показалась мне поразительной и прекрасной. Теперь, повидав эту женщину вживую, я уже была не столь уверена в своем мнении. Статуя казалась жестче и холоднее, и не потому, что была сделана из камня. Черты лица были острее, линия губ – жестче, а плечи – шире, чем в жизни.

Но хуже всего были глаза.

Такие же были и у остальных статуй в садах касра. Все изваяния – неважно, мужчины, женщины или дети, – отличались неестественной красотой, с которой не могло сравниться ни одно живое существо. И у всех в глазах было что-то не то: они неподвижно взирали перед собой, будто ожидая увидеть неведомые ужасы. Смотреть на них слишком долго было чревато безумием.

– Вам нравится статуя? – раздался голос у меня за спиной. Я обернулась и увидела стражника, который угостил меня солью в пустыне. На этот раз он был одет не в кожаные доспехи, которые отражали удары клинков и стрел – и в которых, должно быть, было невыносимо жарко на солнце, – а в льняные штаны и тунику, перехваченную поясом. На поясе, рядом с ножом для еды, висела деревянная шкатулка.

– Она поразительна, – сказала я. – Но повстречавшись с той, кого она изображает, я уже не уверена, что она мне нравится.

– Мне она тоже не нравится, – признался он, подойдя ближе ко мне. – Полагаю, мне позволительно так говорить, ведь это я ее сделал.

Я опешила. Мне никогда еще не доводилось встречать скульптора, тем более столь прославленного, как Фирх Камнедар.

– Прошу прощения, господин, – извинилась я. – Я не хотела вас обидеть.

– Я никакой не господин, – ответил он. – И я не солгал, сказав, что статуя мне не нравится. Мне не нравятся многие из статуй, что я сделал для Ло-Мелхиина, хоть он и оказывает мне великую честь, выставляя их в столь дивном окружении в

собственных садах.

– Но я думала, вы стражник, – сказала я. Не в первый раз за свою жизнь я пожалела, что не обладаю словесным даром сестры. Я умела интересно рассказывать истории, которые как следует выучила, но не была одарена способностью находить нужные слова, когда говорила от себя.

– Я и есть стражник, – подтвердил он. – Я пришел сюда, чтобы служить отцу Ло-Мелхиина незадолго до его смерти, а потом стал служить самому Ло-Мелхиину.

– Так, значит, резьбой вы занимаетесь для развлечения? – спросила я. Моя мать не одобряла праздности, а поскольку мои братья не желали опускаться до шитья, многие их них, сидя по вечерам у огня, высекали из камня разные полезные вещицы.

– Поначалу так и было, – ответил он. – Я вырезал древки стрел, колья для шатров – ничего сложного. Это помогало скоротать время, когда приходилось сидеть в карауле холодными ночами.

Я взглянула на статую. От стрел и колышков, вырезанных от скуки у костра, несказанно далеко до каменных изваяний, украшающих сады Ло-Мелхиина.

– Что же заставило вас обратиться к камню? – спросила я. По лицу его пробежала тень.

– Однажды я поехал с Ло-Мелхиином за невестой, – сказал он, забыв на мгновение, с кем говорит. Спохватившись, он резко дернул головой и с тревогой глянул на меня.

– Все в порядке, – успокоила я его. – Пожалуйста, продолжайте.

– Что ж, как скажете, – не стал спорить он. – В эти поездки Ло-Мелхиин берет с собой мало людей, и сам, чередуясь с остальными, стоит в карауле и седлает лошадей, будто обычный стражник. Он беседовал с нами и наблюдал, как я вырезаю по дереву. Он сказал, что у меня хорошо бы вышло работать с камнем, если бы я попробовал. А когда мы вернулись, для меня была приготовлена огромная каменная глыба.

Я долго не брался за нее. За это время сменилось, должно быть, шесть жен. Или даже восемь. Прошу прощения, госпожа. Иногда я стараюсь не вести счет.

Мне не в чем было винить обитателей касра. Жены Ло-Мелхиина исчислялись сотнями, а некоторые из них едва ли прожили здесь достаточно, чтобы оставить след в жизни касра. Было бы жестоко ждать, что они станут оплакивать каждую.

– Каждый раз, как мы отправлялись в путь, Ло-Мелхиин смотрел, как я работаю, и говорил, что у меня есть дар резьбы по камню. И каждый раз я не внимал его словам, – рассказывал он. – А потом однажды ночью мне приснился сон – яркий, как никогда прежде. Мне приснилась статуя, заточенная в огромной каменной глыбе – статуя матери Ло-Мелхиина, стоящей на спинах двух львов.

Когда я проснулся, инструменты оказались у меня в руках, и я принялся за работу, не успев сообразить, в чем дело. Я никогда раньше не вырезал по камню, а статуя, что явилась мне во сне, была прекрасна. Я понимал, что глупо надеяться сделать что-то столь прекрасное с первой попытки. Даже вырезание стрел требует навыка.

Я не прерывался ни на еду, ни на питье, даже когда солнце надо мной разгорелось в полную силу. Руки у меня потрескались и кровоточили, меня мучала жажда, но я не останавливался. Солнце жарило меня живьем, но мне было все равно. Я думал только о статуе, которую надо освободить из ее каменного плена.

Если отлучить барана от овец в течке, он обезумеет, стараясь добраться до них. Неважно, как крепко его привязали. Почуяв их запах, он переломает кости и себе, и всем вокруг в попытках вырваться. Похоже, скульптором овладело безумие того же рода.

– Наконец статуя была готова. Когда я пришел в себя, Ло-Мелхиин стоял рядом со мной. Мне показалось, что он давно наблюдал за мной, хотя я был столь увлечен работой, что не заметил его, – продолжал стражник. – Он осмотрел статую сверху донизу и объявил, что она совершенна. Он поблагодарил меня за великолепную работу во имя своей матери и нарек меня Фирх Камнедар, ибо когда я коснулся камня, у меня открылся дар. Он спросил, каких почестей я желаю в награду, но я сказал, что счастлив быть стражником. Больше всего я люблю не камень, а солнце и песок. Мне не хотелось разлучаться с ними.

– А как же другие статуи? – спросила я. – Откуда они?

– Их я изваял, когда на меня снова находило безумие, – объяснил он. – Иногда я отправляюсь в путь с Ло-Мелхиином, а потом он дает мне камень. И я всегда делаю из него статуи, хоть мне это и не нравится, а потом плоды моего труда преследуют меня в каждом углу этого сада.

Я взглянула на его руки. Они были смуглыми от солнца и ветра, загрубевшими от поводьев и копья, которое он носил, стоя в карауле на крепостной стене. Но никаких ран и порезов на ладонях не было. С тех пор, как я приехала сюда, минуло семь дней, и раны не успели бы затянуться, если бы в тот день с ним вновь случился припадок.

– А когда приехала я, вы ничего не вырезали? – спросила я.

Он улыбнулся. Это была его первая искренняя улыбка с тех пор, как заговорил со мной.

– Я вырезал стрелы, госпожа, – ответил он, – как делал отец отца моего отца. Но, в отличие от него, я не выменивaю их на золото и скот. Вместо этого я даю их другим стражникам, чтобы они выполняли за меня работы в казармах, к которым у меня не лежит душа. Тогда у меня появляется свободное время, чтобы приходить сюда, в сад.

– Я не понимаю, – призналась я. – Вы говорили, что стараетесь держаться подальше от своих статуй.

– Вы правы, госпожа, – ответил он. – Но цветы прекрасны даже в окружении камня, а фонтаны по-прежнему чаруют меня, как в первый день. Ради этих двух чудес я готов забыть о своей неприязни к статуям и к их глазам. Глаза никак у меня не выходят.

– Фонтаны и впрямь чудесны, – согласилась я, но мне вдруг стало не по себе.

Казалось, мужчины всегда готовы закрыть глаза на неприятное ради приятного. На жуткие статуи – ради мелодичного пения фонтанов. На смерть своих дочерей – ради выгодной торговли.

В касре было много красоты, но много и уродства. Я не стану уподобляться этим мужчинам, которые отводят глаза от одного, чтобы увидеть другое. Я буду помнить о том, какова цена этого всего. Сам того не замечая, скульптор принялся водить руками по спинам львов, будто вновь высекая их из камня. Будь у него при себе инструменты, не сомневаюсь, что он нашел бы новую каменную глыбу и принялся превращать ее в очередное жуткое подобие жизни. Но, несмотря на это, я не могла ненавидеть его. Он угостил меня солью в пустыне и смотрел на меня, когда все прочие стражники отводили взгляд. Возможно, он, пришедший сюда служить человеку, которого любил, был таким же пленником, как и я, только его удерживали обещания иного рода. Меня уже не спасти от гибели, поджидающей меня в этих каменных стенах, но он еще может обрести свободу в объятиях солнца и песка. Я наблюдала за ним, растворившимся в тихой изменчивой музыке льющейся воды.

– Пусть твои руки найдут то, что ты любишь, – прошептала я, так тихо, чтобы не услышал никто, кроме моих божеств. – Пусть твой труд не пугает тебя, но приносит радость тебе и другим. Твори для себя, а не для Ло-Мелхиина.

Когда я оставила его, он по-прежнему гладил руками каменных львов, которых так не любил, прикованный взглядом к струящейся воде. Подойдя к садовой арке, я услышала шорох в кустарнике и поняла, что одна из служанок наблюдала за нашим разговором. Пусть мой брак был далек от традиций и пока даже не скреплен на супружеском ложе, слуги мои, похоже, не собирались забывать о приличиях. Меня не оставят наедине с мужчиной, даже со столь уважаемым, как Фирх Камнедар.

Он сказал, что так нарек его Ло-Мелхиин. Интересно, какое имя было у него прежде, и было ли вообще. Или же солнце выжгло его из памяти скульптора в тот день, когда он изваял свою первую статую?

Глава 10

На десятое утро, проснувшись одна в своих покоях и осознав, что все еще жива, я уже не удивилась. Холодок пробежал по моим жилам, и стены дворца сомкнулись вокруг меня теснее.

Я видела, как странный свет струится от моих рук к рукам Ло-Мелхиина и обратно. Я подозревала, что моя неминуемая смерть наступит не от яда, не от лезвия ножа и не от его пальцев, сомкнувшихся на моей шее. Здесь действовали какие-то силы, которых я не понимала. Какой-то злой дух семьи Ло-Мелхиина или демон, владевший им, играл на наших сомкнутых пальцах. Он и принесет мне погибель. Я не могла молиться божеству, которое сестра сделала из меня. Слова застревали у меня в горле. Но я могла бы помолиться, как делала всю свою жизнь, останкам отца отца нашего отца, хоть они и были далеко от меня.

Я сделала глубокий вдох, как учила меня мать, и представила себе ясное голубое небо и золотистый песок. Раньше, когда мы с сестрой делали это вместе, мы держались за руки и щипали друг друга, чтобы не рассмеяться. Не то чтобы нам не хватало набожности, но мы были детьми, а дети найдут причину для смеха в чем угодно. Моя мать хмурилась, но мать моей сестры улыбалась вместе с нами.

– Божества выслушивают столько печалей, столько отчаянных надежд и желаний, – говорила она. – Пусть иногда слышат и смех.

Сейчас я не смеялась, а в небе над пустыней в моем воображении клубились тучи. И сколько я ни старалась увидеть ясное небо, оно оставалось хмурым, а гладкую поверхность песка тут и там нарушали острые камни и кустарники с колючками, такими длинными, что они могли бы пронзить сердце ягненка. Я открыла глаза, сокрушаясь, что у меня не получалась молитва. Возможно, я и впрямь была слишком далеко от могил своих предков, чтобы молиться их духам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/e-dzhonson/skazki-tysyachi-nochey/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/e-dzhonston/skazki-tysyachi-nochey-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити